A 218/625

А 218
625

Св. князь

Всеволодъ-Гавріилъ

и

его значеніе

въ исторіи нашего отечества

и

въ частности Пскова.

Сост. Е. Е. Лебедевъ.

Островъ.
Типографія А. С. Степановой.
1894.

СВ. КНЯЗЬ

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРІИЛЪ

И

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

И

ВЪ ЧАСТНОСТИ ПСКОВА.

Сост. Е. Е. Лебедевъ.

ОСТРОВЪ.
Типографія А. С. СТЕПАНОВОЙ.
1894.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется: С.-Петербургъ 8 Февраля 1894 г. Цензоръ Архимандритъ **Тихонъ**. № 273.

2007041128

Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова[1]).

Каждый народъ живетъ преданіями своего прошлаго; нашъ народъ русскій не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія, готовый всегда съ охотою послушать о своей родной старинѣ. Но въ послѣдніе годы бросается въ глаза обиліе юбилейныхъ торжествъ на св. Руси какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ,—требующихъ нерѣдко значительныхъ усилій, хлопоть и приготовленій. Въ основѣ этого факта несомнѣнно лежитъ положительный, современный *ростъ нашего народнаго самосознанія*, проявляющійся уже не въ однѣхъ столицахъ и другихъ университетскихъ центрахъ просвѣщенія. Въ прошедшемъ—наша нравственная связь; изъ прошедшаго же можно извлекать прекрасные уроки для настоящаго—особенно въ виду того, что русское общество, призванное дѣйствовать дружными усиліями, по мѣстамъ нерѣдко все еще смотритъ врозь и ходитъ въ разбродъ. Нашъ юбилейный праздникъ въ честь и прославленіе 700-лѣтней памяти св. князя Всеволода-Гавріила имѣетъ глубокій смыслъ, какъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда исторія требуетъ отчета за прошлое, уясняетъ настоящее и освѣщаетъ будущее.

Всеволодъ-Гавріилъ не былъ какимъ либо захудалымъ, малозначительнымъ удѣльнымъ княземъ. Это былъ старшій внукъ знаменитаго Владиміра Мономаха—«братолюбца, нищелюбца и добраго страдальца за Русскую землю»[2]). Послѣдній, въ бытность свою еще рядовымъ княземъ, прославился особенно на княжескихъ съѣздахъ какъ *согласитель* князей, усобицы которыхъ, при умноженіи рода Ярослава Мудраго и естественномъ ослабленіи род-

[1]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Псковскаго археологическаго общества 28 ноября 1893 г. по поводу исполнившагося 700-лѣтія обрѣтенія мощей св. князя.

[2]) Полн. Собр. Р. лѣт. II, 10.

ственныхъ отношеній, наглядно обнаружили въ концѣ XI и въ началѣ XII в.в. всю недостаточность одной чисто родовой, а не государственной связи между великимъ и младшими князьями. Дѣдъ Всеволода-Гавріила пользовался изъ всего рода Ярославова особою любовію и почтеніемъ народа не только за личныя выдающіяся качества, но и за родство съ греческимъ императоромъ, такъ какъ онъ наравнѣ съ князьями-мучениками Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями Владиміра Св. отъ греческой царевны Анны,—по тогдашнимъ воззрѣніямъ,—«свѣтился царски» и его, по словамъ современнаго ему м. Никифора, Богъ «изъ утробы помаза, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ». Нужно замѣтить, что князья и весь народъ русскій съ благоговѣніемъ смотрѣли на Византійскую имперію, какъ прежде смотрѣли на Римскую имперію дикіе конунги Германцевъ, громившіе ее со всѣхъ концовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордившіеся титуломъ римскихъ патриціевъ. Призванный на великое княженіе, безъ всякаго домогательства съ своей стороны, помимо старшаго рода Святослава Ярославича или Ольговичей, устраненныхъ за постоянную дружбу съ Половцами и за т. н. *изгойство*, которое не давало, по господствовавшимъ воззрѣніямъ, права не только на великое княженіе, но даже и на удѣльное,—Владиміръ Мономахъ, понимая потребность времени и по родственнымъ связямъ ближе другихъ знакомый съ государственнымъ строемъ Византіи, нарушилъ *завѣщаніе* Ярослава въ смыслѣ замѣны *родовыхъ* отношеній *государственными* и первый передалъ въ 1125 году великокняжескій престолъ сыну своему Мстиславу помимо старшихъ родичей. Мстиславъ въ 1132 г. оставилъ великое княженіе бездѣтному брату своему Ярополку съ условіемъ, чтобы тотъ немедленно перевелъ старшаго сына его Всеволода, княжившаго въ Новгородѣ съ 1117 г., въ южный Переяславль близъ Кіева—въ качествѣ *наслѣдника великокняжескаго стола*, такъ какъ Мстиславъ Владиміровичъ за 8 лѣтъ до смерти отца переведенъ былъ изъ Новгорода въ Переяславль, считавшійся въ племени Мономаха старшимъ столомъ послѣ Кіева. Уклоненіе отъ новаго порядка престолонаслѣдія, который предначертанъ былъ Владиміромъ Мономахомъ, повидимому, оказывалось лишь временнымъ въ виду бездѣтности Ярополка. Итакъ воспоминаемый нынѣ св. князь Всеволодъ-Гавріилъ, живя въ Новгородѣ съ 1117 г. въ качествѣ намѣстника великаго князя, намѣчался прямымъ кандидатомъ на великое княженіе Кіевское, Новгородское и всея Руси—въ силу

тѣхъ новыхъ понятій, провозвѣстникомъ которыхъ явился знаменитый его дѣдъ—въ истинныхъ интересахъ Земли Русской[1]).

Но новыя, хотя бы и благодѣтельныя, понятія не скоро прививаются. Много требовалось времени, чтобы новый порядокъ нашелъ себѣ прочное приложеніе къ жизни Русскаго государства. И нашъ св. князь сдѣлался жертвою той борьбы, которая была произведена переломомъ княжескихъ отношеній на Руси. Мстиславъ I, отецъ его, могъ безпрепятственно наслѣдовать послѣ отца великое княженіе потому, что Мономаховичи пока сильны были своимъ единодушіемъ, тогда какъ между ихъ соперниками-Ольговичами происходили междоусобія. По смерти Мстислава I начинаются усобицы и въ потомствѣ Мономаха. Младшіе сыновья послѣдняго, дядья Всеволода-Гавріила, оскорбились *предназначеніемъ* его на великое княженіе, по личнымъ расчетамъ усмотрѣвъ въ этомъ нарушеніе того вѣковаго обычая, несостоятельность котораго признана ихъ славнымъ отцомъ. Враждою между Мономаховичами воспользовались Ольговичи, которые забыли, что обладаніемъ рядоваго княжескаго стола въ Черниговѣ были обязаны главнымъ образомъ Владиміру Мономаху,—и даже пошли далѣе, не признавая въ своемъ *изгойствѣ* т. е. происхожденіи не отъ законнаго великаго князя—препятствія къ отнятію великокняжескаго стола отъ Мономаховичей. «Разодралась Русская земля», по выраженію лѣтописца, —разодралась послѣ того сравнительно крѣпкаго государственнаго единства, которое создано было князьями—основателями Русской земли, особенно св. Владиміромъ. Разодрался на-трое и княжескій родъ Ярослава Мудраго.

Съ наступленіемъ этой несчастной эпохи совпалъ конецъ жизни св. Всеволода-Гавріила. Двадцать лѣтъ княженія, съ небольшимъ перерывомъ, онъ посвятилъ Новгороду, успѣвъ раскрыть разносторонне свою дѣятельность. Пока живъ былъ Мстиславъ I, значитъ до 1132 г., правленіе сына его тамъ было твердо и спокойно.

---

[1]) Замѣчательно, что уставныя грамоты князя Всеволода-Гавріила начинаются слѣдующимъ титуломъ: „Се язъ князь *великый* Всеволодъ, нареченный во святомъ крещеніи Василій (въ другихъ спискахъ: „Игафшъ“, „Огафшъ“, „Гавріилъ“)...“ въ грамотѣ Новг. Софійскому собору; „Се язъ князь *великый* Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, самодрѣжець Мстиславеце, внукъ Володиміровъ, и властьствующему ми всею русскою землею, сице же властію новгородскою...“ въ грамотѣ церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ.

Построеніемъ новыхъ храмовъ[1]) князь обнаружилъ пониманіе высокой важности ихъ для народа, недавно принявшаго христіанство, давая имъ къ тому же значеніе средоточія всей общинной жизни не только религіозной, но и гражданской. Какъ можно судить по уставной грамотѣ Всеволода-Гавріила церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ, около этого храма онъ устроилъ нѣчто въ родѣ современныхъ братствъ или церковно-приходскихъ попечительствъ—именно общину, которая впрочемъ имѣла, кромѣ доставленія матеріальныхъ средствъ самой церкви и ея причту, нѣкоторыя функціи чисто гражданскаго характера. Выраженіемъ того же сознанія князя, что для младенчествующаго государства нужны были надежные пѣстуны, служитъ свидѣтельствуемое «Житіемъ» уваженіе его къ духовному чину и его уставъ храму св. Софіи въ Новгородѣ[2]), представляющій областное примѣненіе и дальнѣйшее развитіе церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава I. Противъ прежнихъ уставовъ онъ расширилъ кругъ лицъ, подлежавшихъ опекѣ Церкви, прибавленіемъ *изгоевъ*, людей непринадлежавшихъ ни къ какому вѣдомству, каковы: «поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ и... аще князь осиротѣетъ». Въ статьяхъ «Русской Правды» касательно дѣлежа наслѣдства различаются дѣти *смерда* (простаго свободнаго человѣка) и дѣти боярскія: дочерямъ боярина слѣдуетъ урочная часть на равнѣ съ ихъ братьями во всякомъ случаѣ, между тѣмъ какъ дочерямъ смерда—только тогда, когда онѣ еще не замужемъ и когда братья обязаны дать имъ приданое; въ противномъ случаѣ часть, слѣдующая дочерямъ смерда, поступаетъ въ казну князя[3]). Особенное значеніе по этимъ статьямъ имѣло наслѣдованіе земельныхъ участковъ. Когда послѣ смерда оставались только однѣ дочери, то, за выдачей субсидій послѣднимъ, участокъ, которымъ пользовался умершій, переходилъ въ руки князя, какъ его настоящаго собственника[4]). По уставу же Всеволода-Гавріила, «иже есть останутся сынове и дщере у коегождо

[1]) Напр., въ Новгородѣ имъ построены величественный храмъ во имя великомученика Георгія въ Юрьевомъ монастырѣ, храмъ св. Іоанна Предтечи на Опокахъ (на Петрятиномъ дворищѣ) и др.; въ Псковѣ—каменный храмъ св. Троицы и деревянная церковь св. Димитрія Солунскаго.

[2]) Объ грамоты напечатаны въ „Прав. Собесѣдникѣ“ 1861 г. Октябрь, 206—226 стр.

[3]) „Текстъ Русской Правды“ изд. Н. Калачова. 1881 года, стр. 16—17 и 36—37.

[4]) Никитскій.—Очеркъ внутренней печати Пскова, изд. 1873 г., стр. 279.

человѣка: братіи со сестрами равная часть отъ всего имѣнія». Значитъ, если по мужѣ останутся сыновья и дочери, то какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ слѣдуетъ изъ всего наслѣдственнаго имущества по равной части. Такимъ образомъ Всеволодъ-Гавріилъ вноситъ новое для русскихъ воззрѣніе на права дочерей, болѣе сообразное съ христіанскими понятіями. Въ примѣненіи же къ наслѣдованію земельныхъ участковъ нашъ князь производитъ этимъ соціально-экономическую реформу быта, пролагая дорогу къ болѣе прочной организаціи мелкой земельной собственности.

Послѣ такого документальнаго даннаго,—прямо характеризующаго гуманное отношеніе Всеволода-Гавріила къ *смердамъ* помимо указаній «Житія» его на широкую благотворительность и щедрость князя особенно во время бѣдствій,—возбуждаетъ одно лишь недоумѣніе первое обвиненіе, выставленное Новгородцами при его изгнаніи, что Всеволодъ-Гавріилъ «не блюдетъ смердъ»[1]). С. М. Соловьевъ выводитъ изъ сего заключеніе, что въ Новгородѣ «къ противникамъ князя принадлежали простые люди»[2]). И. И. Костомаровъ толкуетъ это обвиненіе въ смыслѣ, что князь «не заботился о смердахъ»[3]). Бѣляевъ объясняетъ также[4]), но отношеніе князя къ боярамъ представляетъ спутанно[5]). Проф. Никитскій, авторъ «Очерка внутренней исторіи Пскова» понимаетъ здѣсь слово «смердъ» въ спеціальномъ его значеніи меньшихъ людей, не имѣвшихъ земельной собственности, а жившихъ на общественной землѣ Новгорода или на землѣ бояръ. Князь въ Новгородѣ, по мнѣнію Никитскаго, не обладалъ общественными землями и долженъ былъ довольствоваться одною данью, которую Новгородцы предоставляли ему взимать со смердовъ въ подспорье другимъ источникамъ его содержанія. Смерды же и безъ того часто бывали угнетаемы естественными бѣдствіями и разорительными войнами. Неблюденье смердовъ, за которое изгнанъ былъ Всеволодъ-Гавріилъ изъ Новгорода,—говоритъ этотъ профессоръ,—слѣдуетъ понимать не такъ, что онъ «преступая границы, опредѣленныя Новгородцами, отягощалъ смердовъ несправедливыми поборами», но, по его мнѣнію, «Новгородцы показали путь своему князю просто вслѣдствіе от-

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 7 стр. См. V, стр. 157.

[2]) Ист. Россіи II, 108 стр.

[3]) Ист. Новг., Пскова и Вятки т. I, стр. 63.

[4]) Разсказы изъ Р. ист. кн. 2, стр. 226.

[5]) Тамъ же, стр. 224, 226 и 229.

сутствія у послѣдняго всякой снисходительности къ положенію смердовъ; ибо, отказываясь отъ облегченія ихъ участи, князь уже тѣмъ самымъ причинялъ Новгороду страшный вредъ, заставляя неисправныхъ смердовъ бѣжать изъ Новгородской земли въ сосѣднія области»[1]). Мы, съ своей стороны, обратимъ вниманіе на то, что, если Новгородскіе князья не могли претендовать на обладаніе общественными землями Новгорода въ эпоху широкаго развитія его самоуправленія, то этого нельзя сказать о большей части княженія въ Новгородѣ Всеволода-Гавріила, при твердой и непреклонной политикѣ великихъ князей—отца его и дѣда Мономаха[2]), когда князь еще имѣлъ значительное участіе въ обладаніи общественною землею въ Новгородѣ и слѣд.—естественный интересъ, напротивъ, *заботиться* о жильцахъ общественной земли—смердахъ. Самъ Никитскій замѣчаетъ, что въ Псковѣ усиліе княжеской власти (московскихъ намѣстниковъ) предъ паденіемъ его повело къ устраненію Псковскаго вѣча отъ всякаго господства надъ смердами[3]). Значитъ, въ интересахъ власти Всеволода-Гавріила было заботиться о смердахъ, жившихъ на общественныхъ земляхъ Новгорода. Нѣсколько иное отношеніе могло быть у князя къ смердамъ, жившимъ на земляхъ бояръ Новгородскихъ, которые, какъ показываетъ послѣдующая исторія Новгорода, нерѣдко получали перевѣсъ на вѣчѣ при подачѣ голосовъ смердами, жившими на ихъ землѣ и слѣдовательно находившимися подъ ихъ вліяніемъ[4]). Быть можетъ, Всеволодъ-Гавріилъ противился начинавшемуся, особенно послѣ смерти его родителя, стремленію нѣкоторыхъ Новгородскихъ бояръ приводить на вѣче толпы своихъ полузависящихъ клієнтовъ и тѣмъ усиливать свое противленіе княжеской власти. Двоякое значеніе слова „*блюсти*“ въ древне-и-церковно-славянскомъ языкѣ (первое—тщательно соблюдать, наблюдать, сохранять, отсюда заботиться; второе—съ опасеніемъ смотрѣть, подстерегать) открываетъ широкій просторъ для того и другаго толкованія отношеній Всеволода-Гавріила къ смердамъ—безъ противорѣчія вышеприведенному документальному данному. Князь Всеволодъ-Гавріилъ могъ покро-

[1]) Никитскій „Очеркъ внутр. ист. Пскова“ стр. 279—280.

[2]) Объ отношеніи Владиміра М. и Мстислава Великаго къ Новгородскимъ боярамъ см. Соловьева II, 103 стр.; Бѣляева „Разсказы“ кн. 2, стр. 221; Костомарова—Ист. Новг., Пскова и Вятки т. I, стр. 53—54.

[3]) Никитскій... стр. 282 и 283. ср. Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 3 стр. 40, 46—47, 43—50, 59—60.

[4]) Бѣляевъ. „Разсказы“ кн. 3, стр. 40.

вительствовать смердамъ, жившимъ на *общественной* землѣ Новгорода, пытаясь превратить ихъ изъ безземельныхъ жильцовъ въ мелкіе собственники и, по крайней мѣрѣ, подготовляя къ сему почву. Съ другой стороны, вѣроятно, сразу проявившіяся по смерти Мстислава I поползновенія Новгородскихъ бояръ къ пользованію на вѣчѣ голосами своихъ арендаторовъ шли въ разрѣзъ съ государственными понятіями Всеволода-Гавріила.

На князя Всеволода-Гавріила легло также выполненіе поставленной Владиміромъ Св. и Ярославомъ Мудрымъ[1]) государственной задачи—колонизаціонное движеніе въ среду инородческихъ поселеній Прибалтійскаго края и распространеніе тамъ православія. Со стороны Ярослава I и его ближайшихъ преемниковъ видно стремленіе заставить Новгородъ и Псковъ дѣйствовать сообща въ достиженіи этой серьезной цѣли. И тогда успѣхи Русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ оказывались дѣйствительно блестящими, напр. утвержденіе въ г. Юрьевѣ еще при Ярославѣ I,—такъ какъ 1., политическое единство Руси пока было крѣпче, чѣмъ немного позднѣе, когда оное уже ослабили частыя междоусобія князей и отдѣльныхъ областей,—2., вниманіе князей не было отвлечено страшнымъ восточнымъ врагомъ—Монголами, отъ которыхъ Русь грудью своею защитила Западную Европу. По примѣру отца своего Мстислава, неоднократно ходившаго (въ 1111, 1113 и 1116 г.г.) въ область Чуди и Ливи[2]), и Всеволодъ-Гавріилъ предпринималъ туда же походы въ 1130, 1131 и 1133 г.г., при чемъ послѣдній ознаменованъ возвращеніемъ отъ Чуди Юрьева[3]). Послѣ сего Юрьевъ, вскорѣ снова отнятый Чудью, еще разъ взятъ былъ русскими въ годъ обрѣтенія мощей Всеволода-Гавріила[4]), а затѣмъ въ 1224 г. —одновременно съ битвою русскихъ при Калкѣ—сдѣлался достояніемъ Ливонскаго ордена подъ именемъ Дерпта[5]).

Претензіями Ольговичей, а также младшей линіи Мономахова дома—на великокняжескій столъ усилена была полная готовность

[1]) Ист. Россіи—Соловьева I, стр. 190, 228; Ист. Госуд. Россійскаго—Карамзина VIII, 292.

[2]) Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 3, стр. 188.

[3]) Тамъ же 189 стр.

[4]) Тамъ же 194—195 стр. См. рукописное, принадлежащее Пск. каѳ. собору, житіе Всеволода-Гавріила *in* 8° стр. 163 об.—161 стр. въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей.

[5]) Бѣляевъ, кн. 3, стр. 210—211. Замѣчательно то, что незадолго предъ 700-лѣтіемъ обрѣтенія мощей св. князя Всеволода-Гавріила Дерпту возвращено старинное русское названіе „Юрьевъ“.

Всеволода-Гавріила послѣдовать завѣщанію своего отца—Мстислава Великаго и перейти, по смерти его въ 1132 г., изъ Новгорода въ Переяславль (близъ Кіева). Если обратить вниманіе на то, что, по завѣщанію Ярослава I, Кіевъ и Новгородъ назначены были всегда неразрывно принадлежать великому князю, то пребываніе особыхъ князей въ Новгородѣ имѣло посему служебное значеніе великокняжескаго намѣстника. Князь Всеволодъ-Гавріилъ былъ съ 1117 г. въ Новгородѣ лишь намѣстникомъ дѣда Мономаха и отца Мстислава. По практикѣ, установившейся въ домѣ Мономаха, прямой наслѣдникъ великокняжескаго стола сидѣлъ на старшемъ послѣ него столѣ въ Переяславлѣ. Съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій[1]). Если бы Всеволодъ-Гавріилъ достигъ впослѣдствіи великокняжескаго стола въ Кіевѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался бы настоящимъ княземъ нераздѣльно соединеннаго съ послѣднимъ Новгорода. Новгородцы же, вообще обижавшіеся въ XI и XII в.в. на князей,—зачѣмъ уходили отъ нихъ,—держались обратнаго воззрѣнія, что Новгородъ *несоединенъ со Кіевомъ неразрывно* подъ властію великаго князя, и что переходъ изъ Новгорода въ Переяславль есть униженіе Новгорода, какъ «стола Рюрикова»[2]). Такимъ образомъ послѣ 1132 г., когда въ Кіевѣ вмѣсто Мстислава I, сѣлъ братъ его Ярополкъ, призвавшій племянника своего Всеволода-Гавріила изъ Новгорода въ Переяславль, произошло столкновеніе обычая въ домѣ Мономаховомъ, установленнаго въ интересахъ обще-русскаго государственнаго строенія, съ стремленіемъ вольныхъ и самолюбивыхъ Новгородцевъ къ *обособленности* на незаконномъ основаніи; но это столкновеніе было неудачно для Всеволода-Гавріила въ силу противодѣйствія младшей линіи Мономаховичей,—и онъ принужденъ былъ возвратиться въ Новгородъ.

Младшая линія Мономаховичей не только разстроила планы Мстислава Великаго касательно наслѣдованія Кіевскаго стола, но стала обижать его дѣтей даже въ полученіи обычныхъ удѣловъ, —напр. втораго брата Всеволодова—Изяслава, который посему явился въ Новгородъ и весною 1134 года подвинулъ брата съ Новгородцами противъ дяди Юрія Долгорукаго,—что всего замѣчательнѣе,—въ союзѣ съ Ольговичами, въ отношеніи которыхъ раздѣлялъ общую вражду своего племени. Этотъ походъ противъ Суздальцевъ

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи II, 97.
[2]) Тамъ же 104 стр.

былъ неудаченъ, но Изяславъ достигъ цѣли—получилъ въ удѣлъ Владиміръ Волынскій. Послѣ того какъ кровная обида старшей линіи Мономаховичей была удовлетворена, послѣдніе немедля расторгнули союзъ съ Ольговичами, вынужденный крайними обстоятельствами. Но Новгородцы, побывавъ въ Суздальской землѣ, вспомнили, что нѣкогда Ростовъ и Суздаль были колоніями Новгорода, и вскорѣ заставили Всеволода-Гавріила принять участіе въ зимнемъ походѣ 1135 года въ Суздальскую землю уже съ завоевательною цѣлію. Такъ какъ династическая причина личнаго неудовольствія противъ дяди Юрія Суздальскаго была, по насущному вопросу объ удѣлахъ, удовлетворена, то Всеволодъ-Гавріилъ не могъ сочувствовать усиленію обособлявшагося Новгорода на счетъ того дома, изъ котораго по закону происходили великіе князья. Мы видимъ, что отъ этого похода отговаривалъ Новгородцевъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ-Гавріиломъ представитель духовнаго единства Руси—всероссійскій митрополитъ Михаилъ, нарочно для того пріѣхавшій изъ Кіева въ Новгородъ[1]), а также епископъ Нифонтъ, *послѣдній* присланный изъ Кіева архипастырь Новгорода, раздѣлявшій обще-русскія стремленія, но не областные интересы своей епархіи[2]). Между тѣмъ самолюбіе человѣка, оскорбленное устраненіемъ отъ кандидатуры на великокняжескій столъ, естественно могло бы давать побужденіе къ тому, чтобы, оставаясь въ Новгородѣ, обособиться отъ прочей Руси во главѣ Новгородцевъ и мстить дядѣ отнятіемъ его удѣла. Но взглядъ Всеволода-Гавріила былъ шире, чѣмъ у Новгородцевъ. Къ тому же у него настолько доставало доблестнаго великодушія и политической честности, что принесены были въ жертву обще-русскому дѣлу и монархическому принципу всякое самолюбіе и честолюбіе князя. Несочувствіемъ полководца объясняется главнымъ образомъ неудача втораго похода Новгородцевъ въ Суздальскую землю.

Итакъ князь Всеволодъ-Гавріилъ является предъ нами съ чертами правителя, понимавшаго потребности юнаго христіанскаго общества на Руси,—гуманнаго законодателя,—выдающагося дѣятеля въ области внутренней политики,—доблестнаго стража Русской земли на сѣверо-западной ея окраинѣ и проводника русскаго православнаго вліянія въ Прибалтійскомъ краѣ,—наконецъ само-

[1]) Костомаровъ—„Новгородъ, Псковъ и Вятка“ т. 1, стр. 62—63.

[2]) Бѣляевъ, „Разсказы“ кн. 2, стр. 227 и 231.

отверженнаго носителя идеи государственнаго единства Руси. Въ лицѣ его подготовлялся достойный преемникъ Владиміра Мономаха и Мстислава Великаго; но вмѣсто того, чтобы сѣсть впослѣдствіи на великокняжескомъ столѣ въ Кіевѣ, Всеволоду-Гавріилу пришлось потерять и Новгородъ путемъ изгнанія. Путь же изгнанія бывалъ въ исторіи человѣчества неоднократнымъ и неизбѣжнымъ выходомъ многихъ великихъ людей изъ такой комбинаціи обстоятельствъ, при которой парализовалась ихъ славная дѣятельность. Воззрѣнія и цѣли князя Всеволода-Гавріила расходились съ стремленіями Новгорода, который послѣ 1132 г. т. е. послѣ смерти Мстислава В. не имѣлъ уже надлежащей сдержки. Многимъ князь не угодилъ Новгороду, хотя не оставался безъ сторонниковъ. Его обвиняли на вѣчѣ въ томъ, что онъ: 1) не блюдетъ смердовъ,—2) давъ обѣщаніе не оставлять Новгорода до смерти, уѣхалъ въ южный Переяславль и хотѣлъ тамъ княжить,—3) во второмъ походѣ на Суздальскую Землю въ 1135 г. прежде всѣхъ оставилъ битву при Ждановой горѣ и 4) сперва велѣлъ приступить къ союзу со Ольговичами, а потомъ вслитъ отступить[1]). Но выше мы *положительно* освѣтили всѣ эти обвиненія съ иныхъ точекъ зрѣнія, болѣе достойныхъ памяти прославляемаго нами князя. Въ частности по поводу обѣщанія Всеволода-Гавріила не оставлять Новгорода—замѣтимъ, что онъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ, превратился бы изъ великокняжескаго намѣстника въ Новгородѣ въ настоящаго князя этой первоначальной русской столицы. Затѣмъ, когда Всеволодъ-Гавріилъ давалъ такое обѣщаніе, то могъ не знать позднѣйшихъ намѣреній и распоряженій своихъ дѣда и отца—высшихъ рѣшителей судьбы и задачъ Россіи[2]). И сами Новгородцы подтвердили несостоятельность своихъ обвиненій, выразивъ, по кончинѣ Всеволода-Гавріила, свое горячее желаніе похоронить князя въ Новгородѣ,—по пословицѣ: «Что имѣемъ, не храпимъ, потерявши плачемъ».

Принятіемъ къ себѣ князя—изгоя Святослава Ольговича Новгородъ хотѣлъ утвердить свою обособленность и вольность на незаконномъ основаніи,—а въ это время партія сторонниковъ Всево-

[1]) Полное Собр. Р. Лѣтоп. т. V, стр. 157. См. Ист. Россіи Соловьева II, 107 стр.

[2]) И позднѣе—нѣкоторые князья, видя безполезность своего пребыванія на новгородской службѣ, сами слагали съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и поступали на службу къ великому князю. (Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 2, стр. 569).

лода-Гавріила Мономаховича засѣла въ Псковѣ, старѣйшемъ пригородѣ Новгорода. По ихъ призыву явился сюда изъ Вышгорода Всеволодъ-Гавріилъ, какъ претендентъ на Новгородское княженіе. Попытка противной ему Новгородской партіи—изгнать князя изъ новаго его мѣстопребыванія—окончилась ничѣмъ въ виду стойкости Псковичей, рѣшившихся изо всѣхъ силъ защищать Всеволода-Гавріила. Около п. Дубровны, нынѣшняго порховскаго уѣзда, Святославъ и Новгородцы возвратились назадъ, говоря: «Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ Своимъ промысломъ»[1]). И дѣйствительно, промыслъ Божій зло направилъ къ добрымъ послѣдствіямъ...

Всеволодъ-Гавріилъ прожилъ въ Псковѣ менѣе года, съ 7-го марта 1137 г. по 11 февр. 1138 г.[2]). Онъ блеснулъ какъ-бы метеоромъ на небосклонѣ Псковской исторіи. И тѣмъ не менѣе Псковъ всегда придавалъ ему громадное значеніе, считая его своимъ первымъ княземъ, небеснымъ защитникомъ и покровителемъ. Изъ всѣхъ послѣдующихъ князей своихъ Псковъ поставилъ около Всеволода-Гавріила лишь Довмонта-Тимоѳея[3]). Добрая память и обыкновеннымъ человѣкомъ пріобрѣтается недаромъ, но открытое и торжественное почитаніе св. князя началось чрезъ 55 лѣтъ послѣ его кончины[4]). Признаніе Псковичами духовно-охранительнаго значенія

[1]) Полное собр. Р. Лѣтоп. III, 8. Сн. V, стр. 158.

[2]) Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 2, стр. 228. Другіе, въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ (Ист. Россіи т. II, стр. 108), годомъ смерти Всеволода-Гавріила считаютъ 1137-й. Трудъ князя Н. Туркестанова („Сокращенный календарь на тысячу лѣтъ, составленный для повѣрки годовъ въ лѣтописи.“ С.-ПБ. 1868 года) не устраняетъ недоумѣнія при разрѣшеніи спорнаго вопроса. По свидѣтельству „Житія“ св. князя, онъ преставился *въ четвертокъ сырныя седмицы въ 11 день февраля 6646 г.* Въ виду того, что наши лѣтописцы придерживались счета новаго года съ 1 марта и 1 сентября, является вопросъ,—къ какому году отнести сіе событіе по счету отъ христіанской эры и съ 1 января. Въ 1137 году пасха—11 апрѣля; 11 февраля падаетъ на четвергъ предъ мясопустомъ, а четвергъ сырной недѣли приходился 18 февраля (стр. 32 и 2). Въ 1138 году пасха—3 апрѣля; 11 февраля падаетъ на пятницу сырной недѣли (стр. 32 и 1). Въ первомъ случаѣ невѣрна недѣля, указываемая „Житіемъ“; во второмъ—невѣренъ день, означаемый тамъ же. Что тверже держится въ памяти народной: день или цѣлая седмица?

[3]) Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 3, стр. 227.

[4]) Значитъ, къ 1193 году относится канонизація князя Всеволода-Гавріила Новгородскою епархіальною властію. Канонизація его всероссійскою церковною властію произошла на соборѣ 1549 г. въ Москвѣ („Ист. Р. Церкви“—Макарія, т. VIII, стр. 43—44. „Житія святыхъ, какъ истор. источникъ“—Ключевскаго, стр. 225—228, прим. 3 стр. 225 и 462 стр.—„Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“—Васильева, стр. 186 въ „Чтен. Общ. Ист. и древн. Россійскихъ за 1893 г.). Въ минеѣ на 11 февраля ему положена особая служба.

Всеволода-Гавріила рельефно выразилось въ томъ, что 1) въ псковской редакціи житія Александра Невскаго въ разсказѣ о знаменитомъ Ледовомъ побоищѣ 1242 г. вставлено содѣйствіе князя Всеволода Александру[1]),—2) въ «Житіи» самаго Всеволода-Гавріила онъ именуется «оборонителемъ и забраломъ граду Пскову отъ поганыхъ нѣмецъ»[2]),—3) во время славной обороны Пскова отъ войскъ Стефана Баторія, въ самые опасные моменты приступовъ польскаго короля, принесеніе изъ собора св. Троицы мощей Всеволода-Гавріила съ Печерскими иконами неоднократно воодушевляло и подкрѣпляло мужество Псковичей[3]).

Чѣмъ объяснить такое воззрѣніе Псковичей на св. Всеволода-Гавріила, сдѣлавшагося для нихъ на вѣки роднымъ и любимѣйшимъ княземъ? На это даетъ отвѣтъ исторія Пскова.

Временный пунктъ пребыванія одного изъ трехъ призванныхъ князей—Трувора, родина святой княгини Ольги Россійской,—область рѣки Великой имѣла уже при св. Владимірѣ отдѣльнаго отъ Новгорода великокняжескаго намѣстника въ лицѣ сына его Судислава[4]). Указанное выше стремленіе Ярослава Мудраго заставить Новгородъ и Псковъ дѣйствовать сообща по отношенію къ Прибалтійскому краю—имѣло послѣдствіемъ превращеніе Пскова въ первый пригородъ Новгорода, безъ отдѣльнаго князя. Пока политическое единство Руси оставалось болѣе или менѣе крѣпкимъ, охранительныя и колонизаціонныя задачи Руси на сѣверо-западной окраинѣ дружно выполнялись Новгородомъ и Псковомъ. Но какъ только это единство начало шататься, а Новгородъ сталъ обособляться въ своихъ мѣстныхъ интересахъ, разбрасываясь новыми колоніями далеко на сѣверо-востокъ нынѣшней Европейской Россіи[5]), преимущественно становясь областью торговою и не усвоивая прочной политической дальновидности,—Пскову, при его столь славныхъ преданіяхъ прошлаго, нерѣдко выпадало на долю, съ одной стороны, дѣлаться ареною борьбы новгородскихъ партій, дѣйствовав-

[1]) Ключевскій „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ" стр. 251.

[2]) Тамъ же 257 стр. Здѣсь посему нельзя видѣть анохронизма, какъ усматриваетъ Ключевскій. Сн. Толстой „Святыни и древн. Пскова" 28 стр. Нѣмцы были въ Ливоніи съ 1558 г., значитъ, до обрѣтенія мощей св. князя Всеволода-Гавріила. (Бѣляевъ, кн. 3, стр. 198—199).

[3]) Ист. Княж. Псковскаго М. Евгенія, ч. I, стр. 213; Истор. описаніе Пскова и его древнихъ пригородовъ,—Н. Ильинскаго ч. V, стр. 21.

[4]) Бѣляевъ „Разсказы" кн. 3, стр. 185; Бестужевъ-Рюминъ „Р. истор." стр. 105 и 107.

[5]) Напр. Вятка основана уже въ 1176 г.

шихъ изъ Пскова на Новгородъ для достиженія своихъ интересовъ, а не псковскихъ[1]),—съ другой стороны, послѣ походовъ въ Прибалтійскій край вмѣстѣ съ Новгородомъ, терпѣть лишь одно обиды при дѣлежѣ дани отъ его своекорыстныхъ гражданъ, а затѣмъ, когда удалялись новгородскіе полки, при слабомъ одиночествѣ нести месть со стороны ограбленныхъ Новгородцами сосѣдей[2]), иначе отдѣлываться своими боками за чужія выгоды. Псковъ естественно требовалъ присутствія въ своихъ стѣнахъ какой либо постоянной военной силы, наличныхъ военныхъ средствъ, короче, княжеской дружины, такъ какъ послѣдняя по характеру времени образовала единственную постоянную военную силу. И вотъ въ Псковѣ появляется князь,—не какой-либо заурядный князь, а такая выдающаяся въ тогдашней Руси личность, какъ Всеволодъ-Гавріилъ Мстиславичъ, недавніе походы котораго въ Прибалтійскій край, подобно походамъ отца его Мстислава В., были выгодны особенно для Пскова[3]). О срокѣ пребыванія его въ Псковѣ можно съ полнымъ правомъ сказать словами Писанія: *скончався вмалѣ, исполни лѣта долга*[4]). De jure претендентъ на Новгородскій столъ, de facto княжившій въ Псковѣ и неожиданно здѣсь скончавшійся, Всеволодъ-Гавріилъ имѣлъ *идейное*, иначе *программатическое* значеніе въ исторіи Пскова, подобно многимъ знаменитымъ дѣятелямъ и событіямъ исторіи всеобщей и русской. Великія историческія личности славны не числомъ лѣтъ дѣятельности, а ея *идеями*, напр. Александръ Македонскій, Юлій Цезарь,—у насъ Андрей Боголюбскій, Александръ Невскій. Подобно сему и событія получаютъ цѣну не по однимъ непосредственнымъ результатамъ, —напр. Куликовская битва. Всеволодомъ-Гавріиломъ *примѣръ* былъ данъ, почва подготовлена для новаго порядка вещей въ Псковѣ. Еще сторона. Нынѣ часто спорятъ о мѣстѣ погребенія выдающихся дѣятелей и высоко дорожатъ ихъ могилами. Такъ было всегда. Какъ мощи св. Петра, митрополита всероссійскаго, законною каѳедрою котораго былъ г. Владиміръ на Клязьмѣ, послужили краеугольнымъ камнемъ будущаго величія Москвы, собирательницы Руси, такъ точно св. мощи прославляемаго нами князя, почивающія въ Псковѣ, легли *въ основу областной самобытности Иско-*

[1]) Бѣляевъ кн. 3, стр. 142 и 192.
[2]) Бѣляевъ кн. 3, стр. 142, 192, 213 (рельефный примѣръ своекорыстія Новгородцевъ); Никитскій 94—95 стр.
[3]) Бѣляевъ, кн. 3, стр. 188 и 190.
[4]) Премудр. Солом. IV, 13.

ва. Фактъ предупредилъ законъ, что нерѣдко случается и въ новѣйшей исторіи[1]),—и, начиная съ Всеволода-Гавріила, Псковичи первое время съ перерывами, а затѣмъ уже постоянно имѣютъ особыхъ князей до 1510 г.

Но не въ областной самобытности Пскова, окончательно достигнутой въ половинѣ XIV ст.,—смыслъ его исторіи, а въ позднѣйшемъ объединеніи его, какъ и другихъ отдѣльныхъ княжествъ и земель Руси, подъ знаменемъ Москвы. Не имѣетъ ли однако временная самостоятельность Пскова, подаренная ему и въ теченіе почти 4-хъ вѣковъ духовно-охраняемая княземъ Всеволодомъ-Гавріиломъ, *особеннаго значенія* въ Русской исторіи?

Первый грѣхъ Новгорода, воспользовавшагося «разодраніемъ» Русской земли, противъ государственнаго единства и законнаго княжескаго племени Мономаховичей—повлекъ за собою протестъ Пскова, далъ толчокъ стремленію его къ самосостоятельности и тѣмъ положилъ начало будущему паденію Великаго Новгорода.

Мы видимъ, во первыхъ, что областная самостоятельность Пскова обезпечила для него бо̀льшую возможность быть сѣверо-западнымъ оплотомъ Руси, особенно при Довмонтѣ-Тимоѳеѣ, и тѣмъ—съ честію выполнить, по крайней мѣрѣ, *охранительную* задачу по отношенію къ исконной русской территоріи и народности, отказавшись по одиночеству отъ непосильной колонизаціи въ сторону Балтійскаго моря. Разладъ Новгорода и Пскова допустилъ утвержденіе въ эсто-латышскомъ краѣ Ливонскаго ордена[2]). Подневольное слѣдованіе чужой указкѣ Новгорода предало самый Псковъ на два года (1240—1242) въ руки нѣмцевъ[3]),—и только Александръ Невскій своимъ Ледовымъ побоищемъ возвратилъ Русской землѣ древній градъ св. Ольги. Но, укрѣпивъ свою самостоятельность, Псковъ грудью постоялъ за область рѣки Великой и не уступилъ ни пяди своей земли Ливонскому ордену и Литвѣ.

Во-вторыхъ, областная самостоятельность Пскова подорвала силу Новгорода. «Младшій» братъ ослабилъ «старшаго» и тѣмъ

[1]) См. Бѣляевъ, кн. 2, стр. 409—410.

[2]) Новгородцы и Псковичи при первой встрѣчѣ съ нѣмцами одержали верхъ и заставили ихъ удалиться въ Ливонію (Бѣляевъ кн. 3, стр. 203). Чудь была противъ нѣмцевъ, дѣйствуя въ союзѣ съ Новгородцами и Псковичами (тамъ же 25—26, 205 стр.).

[3]) Бѣляевъ кн. 3, стр. 142, 143—144.

облегчилъ Москвѣ ея *собирательную* работу. Въ исторіи Пскова, сравнительно съ Новгородомъ, бросается въ глаза то, что̀ на современномъ языкѣ называется *лойяльностію* т. е. уваженіемъ къ законности и справедливости. Примѣры сего неоднократны[1]). Обособленное положеніе Пскова, окруженнаго съ юга и запада врагами Русской земли, а съ востока—въ большинствѣ случаевъ непріязненнымъ старшимъ братомъ, заставляло его цѣпляться за все то, въ чемъ граждане его *чутьемъ* угадывали—въ каждое данное время—русскую центральную силу. Когда такою силою сдѣлалась Москва, Псковъ примкнулъ къ ней, ища у ней покровительства и, въ свою очередь, оказывая ей содѣйствіе, напр., при покореніи Новгорода. Этимъ объясняется отсрочка паденія самостоятельности Пскова[2]). Но и при паденіи своемъ, въ противоположность Новгороду, онъ, «сошелъ съ исторической сцены,—по мѣткому выраженію одного историка,—не какъ дряхлый искалѣченный старецъ, а какъ бодрый еще воинъ, отслужившій свою срочную службу»[3]), и блестяще показалъ это, уже войдя въ составъ Московскаго государства, въ славныхъ оборонахъ своихъ отъ войскъ Стефана Баторія и Густава Адольфа.

Итакъ Всеволоду-Гавріилу не суждено было сѣсть великимъ княземъ въ стольномъ Кіевѣ и *прямо* внести долю своего преемственнаго участія по утвержденію единства Руси и усиленію въ ней монархической власти. Но его мимолетное княженіе въ Псковѣ, нечаянная кончина и пребываніе св. мощами *косвенно* восполнили этотъ пробѣлъ въ Русской исторіи[4]). Каждый можетъ судить те-

[1]) До 1240 г. всѣ Псковскіе князья безъ исключенія были изъ дома Мстислава Великаго (Никитскій, 92—93 стр.). Когда Александръ Невскій вступалъ въ Псковъ послѣ Ледоваго побоища, то завѣщалъ Псковичамъ любовь къ своему потомству (Полн. Собр. Р. Лѣт. т. V, стр. 10). И это завѣщаніе Псковичи исполнили. Въ 1266 г., по принятіи къ сэбѣ литовскаго выходца—князя Довмонта, Псковичи постарались соединить князя съ родомъ Невскаго, высватавъ ему княгиню Марію Дмитріевну, внучку Александра Невскаго. Въ 1327 г. Псковъ радушно принялъ къ себѣ бѣжавшаго изъ Твери великаго князя всея Руси Александра Михайловича, но проклятіе всероссійскаго митрополита Ѳеогноста, содѣйствовавшаго московскому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ въ борьбѣ изъ-за великокняжескаго стола съ Тверскимъ княземъ,—повлекло за собою въ этотъ разъ удаленіе князя Александра изъ Пскова въ Литву.

[2]) Уже Татищевъ замѣтилъ, что Псковичи скромнѣе пользовались своею вольностію, нежели Новгородцы, и за это пользовались многими привиллегіями до конца XVII ст. (Ильинскій Н. Истор. описаніе Пскова и его древнихъ пригор., ч. II, стр. 20).

[3]) Бѣляевъ „Разсказы“ кн. 3, стр. 383. Си. кн. 2, стр. 568—569.

[4]) Что русскіе государи чтили святую память князя Всеволода-Гавріила,—

перь: достоинъ ли этотъ св. мужъ нашей памяти какъ *политическій* дѣятель? Достоинъ ли онъ того чествованія, которое мы нынѣ воздаемъ ему? Да и это чествованіе не ему нужно, а намъ нужно, потому что онъ имѣетъ теперь честь, которой мы не въ силахъ ему воздать. Но мы, его отдаленные потомки, чѣмъ чаще будемъ его чествовать, тѣмъ болѣе будемъ свидѣтельствовать, что мы достойны своего великаго призванія, что мы цѣнимъ значеніе наслѣдства, намъ завѣщаннаго, и не только хранимъ его, но и усугубляемъ. Да не забудетъ каждый изъ насъ, исполняя собственныя обязанности на пользу общественно-государственную, высокій девизъ, начертанный на славномъ мечѣ св. князя Всеволода-Гавріила: «honorem meum nemini dabo» (чести моей никому не отдамъ)! Честь и хвала тебѣ, святый мужъ и заступникъ земли Псковской!

Евгеній Лебедевъ.

свидѣтельствомъ является челобитье соборнаго старца Арсенія о выдачѣ денегъ, пожертвованныхъ государями на неугасимую свѣчу ко гробу благовѣрнаго князя Гавріила Псковскаго 1675 года. („Псков. Губ. Вѣд.“ 1870 г., № 14).

2007041128